

«БУДДИЗМ И НАУКА»

Круглый стол

Институт философии РАН, 31 октября 2017 г.

**К итогам научной конференции «Фундаментальное знание:
диалог российских и буддийских ученых»**

Д.И. ДУБРОВСКИЙ

Институт философии РАН, Москва, Россия

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.
ddi29@mail.ru

Участники Круглого стола: Тэло Тулку Ринпоче, К.В. Анохин, Ю.И. Александров, Д.И. Дубровский, В.Г. Лысенко, А.А. Терентьев, Т.В. Черниговская, М.В. Фаликман и др.

Цитирование: ДУБРОВСКИЙ Д.И. (2018) Буддизм и наука. Круглый стол. Москва, Институт философии РАН, 31 октября 2017 г. // Философские науки. 2018. № 3. С. 42–80.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-3-42-80.

Проблема сознания приобретает все большую актуальность и остроту в связи с нарастанием глобального кризиса нашей потребительской цивилизации. Разработка этой проблемы становится, без преувеличений, первостепенной, стратегической задачей научного познания. Для этого требуется более глубокое осмысление теоретико-методологических вопросов исследования сознания, объединение усилий многих дисциплин естественно-научного и социогуманитарного профиля, а тем самым решение вопросов междисциплинарного характера. Важное значение при этом имеет понимание тесной связи философских и научных аспектов проблемы, учет различных философских направлений и подходов в изучении сознания, сопоставление опыта западной и восточной философской мысли. В этом отношении большую ценность для современных научных исследований представляет тысячелетний опыт философии буддизма в области медитативных практик, осмысления психологических, феноменологических и эпистемологических вопросов изучения сознания, многочисленные труды Его Святейшества Далай-ламы, который не

только призывает ученых к сотрудничеству, но и активно его организует.

Ярким примером этого явилась научная конференция, материалы которой опубликованы в данном номере журнала. Она выявила те весьма значительные ресурсы изучения сознания, которые могут быть использованы в ходе сотрудничества российских и буддийских ученых. Конференция для нас, российских ученых, была весьма интересной и плодотворной. Можно считать, что намеченный диалог по проблеме сознания успешно состоялся. Разумеется, обнаружались и существенные расхождения в трактовке ряда феноменов психической деятельности человека, в философских объяснениях трудности в соотношении западной и буддийской терминологии в описании явлений сознания. Однако эти расхождения не препятствуют созданию общей концептуальной платформы, что требует, конечно, дальнейшего осмысления. Поэтому было решено провести Круглый стол, специально посвященный этому кругу вопросов, материалы которого публикуются ниже. В них на основании стенограммы воспроизведено содержание выступлений и отдельных замечаний участников Круглого стола с некоторыми комментариями.

К.В. Анохин (модератор Круглого стола): Это было очень необычное событие, и не только потому, что оно первое, но и потому, что оно было необычно по содержанию.

Тэло Тулку Ринпоче, почетный представитель Его Святейшества Далай-ламы в России, Монголии и странах СНГ, верховный лама (шаджин-лама) Республики Калмыкия: Конференция «Фундаментальное знание: диалог российских и буддийских ученых» стала для всех ее участников поистине судьбоносным событием, воспоминание о котором по сей день рождает в наших сердцах целую гамму эмоций. Разумеется, диалог между представителями современной науки и буддийскими учеными-философами во главе с Его Святейшеством Далай-ламой – начинание отнюдь не новое. Этой инициативе духовного лидера тибетского буддизма уже 30 с лишним лет. Однако впервые в диалог с Его Святейшеством Далай-ламой вступили ученые из России. Могу с уверенностью сказать, что вначале в их отношении к происходящему присутствовала изрядная доля скептицизма. Но, с другой стороны, в буддизме всегда приветствовали скептицизм и сомнения как метод исследования действительности.

Первая конференция, состоявшаяся в августе в Дели, на мой взгляд, открыла перед нами множество дверей, множество возможностей для дальнейшего общения и сотрудничества, для раз-

вития сознания, для углубления понимания важнейших вопросов, стоящих перед человечеством.

Сам я 13 лет учился в тибетском буддийском монастыре. И хотя я не могу в полной мере отнести себя ни к буддийской, ни к современной науке, я считаю науку чрезвычайно важной областью для нашего будущего существования.

Диалог между российскими и буддийскими учеными, начало которому мы положили, был задуман не ради славы, не ради выявления ошибок или неверных позиций друг друга. Его цель проста – это поступательное развитие всего человечества. У развития нет пределов, мы продолжим развивать себя, прибегая к множеству разных методов. И здесь сотрудничество российских и буддийских ученых позволит взаимно обогатить наши знания, чтобы совместными усилиями сделать человечество лучше.

Добавлю также, что конференция сопровождалась прямой трансляцией в Интернете. К нашему удивлению, эта трансляция собрала полтора миллиона просмотров. Это наглядно показывает нам, какой огромный эффект произвел диалог российских ученых и Его Святейшества Далай-ламы.

К.В. Анохин: По инициативе его Святейшества Далай-ламы XIV уже много лет проводятся совместные конференции между буддийскими исследователями и представителями западной науки. Они охватывают глубинные проблемы в самых разных областях познания – квантовой физике, биологии, науке о мозге, изучении сознания. Эти регулярные встречи и дискуссии ведутся уже более 30 лет, но до сих пор в них участвовали в основном американские ученые и часть ученых из Европы. Наш интерес к такому диалогу был продиктован теми своеобразными чертами российской науки, которые, как нам казалось, могут послужить определенным мостом между восточным и западным подходами к пониманию глубоких вопросов, рассматривавшихся на предыдущих конференциях. Россия, безусловно, является европейской страной, в которой развиты традиции экспериментального научного подхода, пришедшего к нам из Западной Европы. Вместе с тем мы пропитаны и другими, в том числе и восточными формами ментальности, которые отличают подходы в российской науке от сугубо западных. И, возможно, это дает шанс для лучшего постижения в терминах западной науки тех вопросов, которые обсуждаются на протяжении многих веков в буддийских кругах.

Исследовать эту возможность было мотивацией нашей встречи. Участники встречи с российской стороны пытались в своих докладах отразить те или иные традиции и особенности подходов российской науки: в науке о мозге, в психологии, лингвистике, философии – традиции, которые могут не совпадать с традициями западной аналитической философии, западной аналитической нейрофизиологии, западной аналитической психологии. Это было лейтмотивом большинства из наших выступлений.

Буддийская сторона на этой встрече была представлена его Святейшеством Далай-ламой XIV и группой буддийских ученых и монахов, которые помимо прохождения практики в буддийских монастырях обучались и в американских университетах, т.е. имели двойное образование. Надо сказать, что нас, участников с российской стороны, поразила глубина их знаний и подготовленности не только в их собственной области, о которой мы, российские ученые, безусловно, очень мало знаем, но и в наших профессиональных областях: нейронауке, психологии, западной философии. Это произвело на нас очень сильное впечатление.

Т.В. Черниговская: Я сначала сомневалась, ехать или нет, потому что не понимала ситуации. Мне не хотелось, чтобы это была просто декоративная поездка, так как я не понимала ее смысла. Но я хочу сказать, что это одно из самых сильных впечатлений в моей жизни. Я не была к этому готова, хотя я не так уж невежественна, естественно, кое-что читала и, разумеется, прочла также книги Его Святейшества, но все равно я не ожидала, что это будет настолько интересно. Наверное, даже слово «интересный» – неправильное. Это очень мощная вещь, это – приобщение не в экскурсионном смысле. Не в том смысле, что мы видели один музей, другой, третий, а теперь увидели как бы еще один музей. Это совсем не про то. Это был удар по сознанию...

Когда стало ясно, что мы поедем, я попросила Константина Владимировича прислать мне какие-нибудь ссылки, и он прислал мне ссылки на *Mind and Life Institute*. Я имела в виду, что просто посмотрю формат: стоят или сидят, как разговаривают – такие технические вещи. А дальше произошло то, чего со мной никогда не было. А именно: в первый день я смотрела, не отрываясь, эти заседания в течение восьми часов. Я ленива, и чтобы я что-нибудь стала смотреть в течение восьми часов, – не представляю себе. Я просто не могла оторваться – настолько это было захватывающе, это очень интересно, это вовсе не обычная научная конференция, когда

каждый человек выходит и рассказывает «свои 4 миллиграмма», – это совершенно другая история. Я настолько заразилась, что на следующий день смотрела это еще пять часов. Однако, несмотря на это, я была не готова к тому, что произошло дальше, особенно когда в первый день нас представили Его Святейшеству, при том, что я абсолютно не склонна к мистике, скорее, я даже скептична и хладнокровна в таких вещах, но когда Его Святейшество меня взял за руку, я почувствовала физическое воздействие. Никогда бы не поверила, если бы кто-нибудь мне это рассказал, а не я сама это почувствовала. Я почувствовала, как по руке пошла горячая волна. Я чувствовала это физически. И в этот же момент была страшно поражена, потому что, повторяю, я не падка на такие вещи.

Была еще одна вещь, которая меня поразила. Я задала вопрос не Его Святейшеству, а кому-то из монахов (Барри Керзину или Ринпоче). Мой вопрос был коварен: вас интересует то, что делает современная наука? Если наука предъявит вам сведения, которые входят в противоречие с вашими священными текстами, что вы будете делать? Насколько они герметичны? Их можно трогать или они полностью закрыты и с ними ничего сделать нельзя? Выкручивайтесь, как хотите. И ответ был: да, мы исправим. Не то, чтобы в ответе было именно это слово, но было ясно, что священные тексты для них – это не закрытое пространство. Они хотели сказать: «Мы открыты». Это меня очень удивило. Не буду лукавить, что я много знаю о большинстве религий в мире, но те, о которых я знаю, никогда не пойдут на такой шаг, а если и пойдут, то в очень сдержанном режиме.

Далее. Недаром я все эти многие часы смотрела встречи Далай-ламы и монахов с западными учеными, недаром там участвовали нейрофизиологи, философы и квантовые физики, биологи, в том числе довольно жесткие биологи – те, которые занимаются именно биологией, без выплеска в другие науки. И какая же это смелость – встать на такую почву! Буддисты согласны воспринимать такой широкий спектр и дискутировать на эту тему. Нам, именно нам, здесь сидящим, возможно и понятно, почему это происходит.

Я задам сама себе и вам такой вопрос: является ли мозг чем-то физическим? Я бы сказала, отчасти. Подчиняется ли он законам физики? Если подчиняется, то каким? И *какой* физики?

Почему так обсуждается именно квантовая физика? Потому что непонятно, что делать с каузальностью, непонятно, что делать со временем – и дальше встает целый список вопросов, которыми

буддийская традиция занимается несколько тысячелетий. Этого не надо забывать.

Когда я смотрела беседы с западными учеными, что меня отчасти сместило, если можно употребить такое слово, это нотка, с которой эти ученые в основном разговаривают. Они приехали как учителя. Они говорят, мол, вы здесь садитесь, мы сейчас вам объясним, как устроен мир, потому что мы же ученые. У вас-то здесь сказки, а мы-то ученые, поэтому мы вам сейчас расскажем. Вы, главное, слушайте внимательно. У нас не только не было такой идеи, но я твердо могу сказать, что я приехала учиться, клянусь, потому что для них это настолько проработанные вещи, они этими проблемами, которые у нас только сейчас стали возникать, занимаются давно, и этим занимается тренированный мозг, столетие за столетием. Кто же кого собирается учить? Это у нас должны быть вопросы. Мы должны обратиться за помощью туда, потому что наша наука, по крайней мере та, о которой мы говорим, находится в тупике. Мы не знаем, куда нам двигаться дальше. Потому что одно с другим не сходится. Как тонко подметил академик Лекторский, и это фраза, которая держит меня в плену, «мозг находится в мире, но мир находится в мозгу». Советую всем не думать об этом на ночь. Это серьезные вещи. Можем ли мы рассчитывать на то, что наша логика и логика действия этого «монстра», этого мозга – это одна и та же логика? Когда мы делаем какие-то выводы, мы говорим: вот этого и этого не может быть, потому что нелогично. У кого нелогично? У кого именно нелогично? А разве нам кто-нибудь обещал, что это будет ньютоновская физика, нам кто-нибудь обещал, что это будет аристотелевская логика? Никто нам ничего не обещал. Это как, знаете, лошадь ходит вокруг жернова, так и мы: ходим-ходим, ходим-ходим, поем одну и ту же песню. Лошади, правда, не поют, но исполняем мы одно и то же. Здесь самые кардинальные вопросы, которые сейчас находятся на стыке самых разных наук. Они – часть и целое. Но мы ведь понимаем, все, кто занимается изучением мозга, согласны с тем, что мозг больше, чем сумма его частей. Вы согласны?

Это я не к тому, чтобы остановить науку. Но есть предел безумия! Что мы будем измерять? Атомы измерили. Что мы будем измерять дальше? Кварки? Фотоны? Струны? Долго ли мы будем ходить по этой дороге? Может быть, и надо ходить долго, если есть надежда собрать разобранное обратно. Опять же не могу

не вспомнить Лотмана, милого и умного, который говорил про теленка, что на стейки он разбирается хорошо, но не собирается обратно. Ведь это правда, это так! Сколько написано о времени! С чего мы взяли, что оно течет равномерно, все время в одну сторону, без перерывов, не возвращается, нет промежутков? В конце концов, когда были дискуссии между Эйнштейном и Бергсоном? Когда это было? И ведь на ту же тему. Время замедляется от химических веществ, время замедляется или ускоряется в зависимости от психического состояния... И опять встает вопрос: что есть объективное время? Хотелось бы узнать, кто знает об этом? И вообще: что значит *объективное*?

Вернувшись, я стала перечитывать книжки Его Святейшества. Теперь я читаю другими глазами, и считаю, что в эту сторону нам нужно смотреть очень СМИРЕННО. Вот что я вам скажу, я знаю слово – *смиренно*.

К.В. Анохин: Мне кажется, что все, кто был на этой встрече, разделяют описанное Татьяной Владимировной ощущение значимости потрясения, которое мы испытали. Но, следуя буддийской традиции, я добавлю в эти восторги и ложку холодной воды. Я тоже разговаривал с Его Святейшеством об отношении буддизма к контактам с экспериментальной наукой, а также следил за тем, как беседовали на предыдущих встречах западные ученые с буддийскими мыслителями-философами. И я не уверен, что буддизм, будучи, безусловно, более открытой, чем другая религия для научных исследований, готов на смертельные тесты для своей теории...

Т.В. Черниговская: Но и наука не готова!

К.В. Анохин: Да, я думаю и современная наука в равной степени не готова. Но есть демаркационная линия, по пересечении которой буддизмом или западной наукой можно проверить эту готовность. Я обсуждал этот вопрос с Его Святейшеством. На мой взгляд, эта демаркационная линия определяется ключевым философским тезисом буддизма, что сознание может порождаться только сознанием. То есть причины возникновения ментального должны существовать только на ментальном уровне. Для сознательного события обязательно должно быть предыдущее сознательное событие. Это очень ясное утверждение. Но оно закономерно ведет и к двум очень рискованным моментам, которые могут оказаться тупиковыми для этого ключевого положения.

Один из них – вопрос, когда и как этот сознательный уровень появляется в развитии – непрерывном процессе усложнения организма от оплодотворенной клетки до целого организма с его нервной системой, разумом? Где и как в ходе этого возникает сознание, если оно может быть инициировано лишь предыдущим сознательным моментом? Попытка разрешить эту сложную проблему приводит буддизм к фундаментальной идее, что изначальное сознание, которое является первым толчком сознательных процессов в развивающемся организме, должно приходить из прошлых жизней. И это сильное и рискованное предсказание. Научный метод как раз и основан на смелых предсказаниях, которые могут быть проверены в эксперименте. Я не раз слышал, что Его Святейшество говорил о буддизме как о науке. Тогда идея непрерывности сознания в поколениях, переноса памяти из прошлых поколений должна стать одним из главных научных, т.е. рискованных и проверяемых предсказаний буддизма. Готов ли буддизм к проверке этого предсказания? Кажется, готов. По крайней мере, Его Святейшество отвечал на мой вопрос, что такие исследования необходимы.

Однако это предсказание в равной степени рискованно и для современной науки. Она, как известно, не признает возможности переноса индивидуальной памяти из прошлых поколений. Если хоть один строго документированный случай такого феномена будет получен, то это должно привести к пересмотру важнейших оснований науки. Это то же самое, как долгое время утверждали, что дарвиновская теория не является научной, потому что она не делает для своих проверок рискованных предсказаний, пока знаменитый палеонтолог Джордж Симпсон не указал, что достаточно одного скелета современного кролика, найденного в отложениях мелового периода, чтобы полностью опровергнуть теорию естественного отбора. Точно так же достаточно одного случая переноса индивидуальной памяти из одного организма в другой, чтобы это нарушило современную научную картину причинности, по крайней мере, в биологических науках. Я лично думаю, что риску здесь подвергается именно буддизм, но готова ли современная наука на такую экспериментальную проверку? Я спрашивал Его Святейшество, обращались ли к нему ученые в течение этих 30 лет с предложением таких конкретных экспериментальных проверок буддизма. Нет, не обращались.

Тут надо сказать, что найти хотя бы один случай, который опровергает твердое предсказание легче, чем твердо доказать, что заявляемого феномена в принципе не существует. Другими словами, если буддизм утверждает, что такое происходит, а мы не находим этого один, второй, третий раз, то это еще не означает, что это не произойдет в 405-й раз, которого мы еще не нашли. Поэтому буддизм тут находится в более безопасной позиции, чем современная наука. Но вообще это одно из самых важных мест контакта между опытом нескольких тысячелетий буддизма и современной наукой. Произойдет ли такой контакт на условиях строгого научного эксперимента? Может быть, это важнейший цивилизационный, познавательный момент.

М.В. Фаликман: После таких выступлений можно говорить уже совсем коротко, в чем-то повторяя предыдущих выступавших. Да, и для меня это был очень важный опыт. Я тоже ездила учиться, и это были не только познавательно-обогащающие, но и во многом личностные уроки.

С одной стороны, нам была представлена панорама буддийской науки, которая имеет тысячелетний опыт, но выходит за пределы современной академической науки, и с этим тоже нужно что-то делать. Все эти тщательнейше разработанные классификации познавательных функций каким-то образом могут быть соотнесены с тем, что обсуждается современной психологией и современной нейронаукой. Возможно, оттуда тоже можно вывести какие-то новые гипотезы для дальнейшей эмпирической проверки. Обсуждение разных уровней сознания («грубого сознания» и «тонкого сознания»), перекликается с направлением, в котором стремительно движется современная западная нейронаука с ее все новыми и новыми вариациями на тему локковской идеи двух уровней сознания, сенсорного опыта и рефлексии: я имею в виду различие так называемого «феноменального сознания» и «сознания как доступа», «сознания первого порядка» и «сознания второго порядка» в современных западных нейробиологических концепциях. Мне интересна сама уровневая логика, которая во многом перекликается с уровневыми подходами в отечественной психологии, биокибернетике, о чем я говорила в своем выступлении во время диалогов с Его Святейшеством. Мне очень интересны сами эти люди, выросшие в буддийской практике. Мне кажется, что непосредственная работа с ними тоже сможет помочь продвинуться в понимании и мозговых, и психологических механизмов управления нашим собственным познанием, его функционирования, потому что

сами эти практики, что многократно и в огромном количестве исследований зафиксировано западными учеными, перестраивают работу мозга, меняют протекание психических процессов, но до сих пор нет единой модели, единой схемы, единого понимания того, а что, собственно говоря, эти культурные практики делают с психикой и с мозгом и как это может стать ключом к пониманию некоторых общих закономерностей нашего сознания, нашей психики.

Так или иначе, дискуссии возвращались к проблеме сознания, это была главная заявленная тема диалогов с Его Святейшеством. Они так и назывались – «Диалоги о сознании». Мы уходили то в проблему памяти, то в психофизическую проблему, в проблему сводимости сознания к работе мозга, которая особенно остро вставала как раз в дискуссии о возможности переноса субъективного опыта. Если речь идет о переносе, то о переносе какого из уровней, каких аспектов. Почему возможен этот перенос, если физический субстрат будет полностью иным и т.д.

С другой стороны, для меня, пожалуй, самым важным стал личностный урок включенности Его Святейшества Далай-ламы в эти диалоги. Я ожидала, даже по итогам просмотров диалогов с западными учеными, возможно, участия более поверхностного, немножко генеральского. Но интерес, включенность Его Святейшества в диалоги, неожиданные повороты, порой резкие пикировки были настолько удивительны, настолько расширяли картину происходящего, что мне показалась очень важным опытом сама возможность сочетания позиции духовного лидера и человека, которому действительно важны ответы на вопросы о природе сознания и на все те вопросы, которые поднимались во время диалогов. И я очень благодарна и судьбе, и организаторам, и спонсорам, и всем так или иначе причастным за то, что мне довелось получить этот опыт.

Т.В. Черниговская: Мы, помним, что во время наших дискуссий не раз вставал вопрос о том, что *correlation is not a causation*. А *correlation* – это то, чем занята наша наука. Вся! Я, естественно, полностью согласна с тем, что сказал Константин Владимирович, но, как мы будем это проверять? Наденем очередной шлем и будем измерять из 129 точек, что происходит в голове? И что мы получим? Мы заранее можем это сказать: мы получим данные, что там будет снижение таких-то волн и повышение таких-то волн. Это шаги, дальше которых традиционные экспериментальные науки продвинуться не могут, потому что это уже было сделано тысячу раз. Об этом говорят все эти статьи в миллионном количестве.

При медитации здесь происходит вот что, а в другом месте – вот что. И что? Разве эта информация отвечает на какой-нибудь вопрос? Ни на один вопрос она не отвечает. Слишком просто: когда здесь происходит вот что, то здесь – вот что. Но мы же ставим не этот вопрос.

Д.И. Дубровский: Действительно, общение с Далай-ламой – это было такое откровение! Я, как и Татьяна Владимировна, чувствовал идущую от него добрую живительную энергию. Думаю, что это испытывали и многие другие. Его Святейшество создавал некий, незнакомый мне ранее, тип общения, особую атмосферу искренности, открытости, сочувствия, доверия и уважения друг к другу. Мы чувствовали себя свободно и легко, переживая благодатное состояние дружеского взаиморасположения. Все это создавало особую ценность общения.

Мы многим обязаны организаторам конференции, прежде всего Тэло Тулку Ринпоче и Юлии Жиронкиной – человеку большой душевной щедрости. Я очень благодарен Андрею Терентьеву, глубокому знатоку буддизма, за его дружеское расположение и готовность оказать поддержку в понимании сложных вопросов. Постоянную искреннюю готовность помочь, сделать что-то хорошее, нужное, приятное для участников конференции проявляли Наташа Иноземцева и Бем Митруев. Я мог бы назвать еще многих других замечательных людей, которые способствовали успеху конференции. Большое им всем спасибо!

Сильное впечатление произвели доклады буддийских монахов, которые получили образование в крупнейших американских университетах и проявляли глубокое профессиональное понимание проблем современной нейронауки. Хочу отметить и другие интересные особенности конференции. В ней участвовала группа молодых ученых (каждому из шести докладчиков разрешили взять с собой одного или двух своих учеников). Было и некоторое число российских буддистов и других, не знакомых нам, приглашенных на конференцию. Мы, конечно, быстро перезнакомились и подружились. Но самое интересное состояло в том, что среди них, как мы потом узнали, оказались и спонсоры конференции. Они не только создали финансовую основу конференции, но и принимали в ней активное участие, присутствовали со своими записывающими устройствами на всех заседаниях, задавали вопросы, участвовали в дискуссиях. Я принимал их за каких-то научных работников. Это были сравнительно молодые, весьма симпатичные люди, которых я называл по имени. И лишь

в конце конференции стало кое-что проясняться. Интересный феномен.

Еще одна особенность конференции состояла в том, что после ужина обычно собирались небольшие группы участников и продолжалось обсуждение актуальных вопросов. К примеру, ко мне обратился один из буддийских докладчиков геше Тензин Приядарши и попросил встретиться после ужина, так как у него есть ко мне ряд вопросов. Вместе с нами собралось человек 15. И мы около двух часов отвечали на вопросы и вели горячие дискуссии. Это было очень интересно и важно для меня. Думаю и для других тоже. Это может подтвердить Юлия Жиронкина, которая была с нами. На следующий день ко мне подошел один из спонсоров конференции (но я не знал этого) и попросил меня встретиться после ужина, чтобы ответить на возникшие вопросы. Опять собралось 10–12 человек: уютный уголок отеля, удобные кресла, кофе. Это была молодежная компания. Пришли, как потом я понял, все спонсоры, их было, кажется, четверо, среди них – очень скромная и симпатичная молодая женщина по имени Наташа. Я отвечал на острые, исключительно интересные вопросы. Мы спорили по некоторым из них. Встреча продолжалась более двух часов, и я испытал глубокое удовлетворение от этого общения, оно помогло мне самому лучше уяснить некоторые сложные и актуальные вопросы. На следующий день подобная встреча опять повторилась, там были и знакомые мне лица по вчерашней встрече, я опять удивлялся их эрудиции и кругу их научных интересов. На прощание не выдержал и спросил: а кто вы, Наташа, по специальности. Она ответила: я – юрист. А вы? – обратился я к организатору этих встреч. – А я строитель, ответил он, – строим дома. Я был еще раз немало удивлен, но далее не стал вдаваться в подробности.

Не говоря, конечно, о моем общении с Далай-ламой, которое оставило неизгладимое сверхценное впечатление, эти вечерние встречи были для меня, пожалуй, самыми интересными, самыми значительными по эмоциональным стимулам для размышлений над моими научными проблемами.

Теперь несколько соображений о содержании самой конференции. Наш диалог по проблеме сознания показал не только чрезвычайную актуальность использования опыта буддийской феноменологии, которая намного богаче того, чем располагают западные феноменологические разработки, но и важность осмысления буддийской эпистемологии – сложного комплекса теоретических установок и положений в изучении сознания. Они

недостаточно упорядочены, слабо систематизированы с точки зрения привычных западных нормативов мышления, но допускают вполне рациональную интерпретацию и представляют большую ценность. Речь идет о тех положениях, которые касаются соотношения феноменального и интенционального, проблем изучения нашего Я, его самоорганизации и активности. Теоретические установки и положения буддийских способов изучения сознания – ключ к разработке эффективных феноменологических методов описания субъективной реальности и вместе с тем управления собственным сознанием.

В нынешней ситуации углубляющегося глобального кризиса нашей цивилизации проблема управления сознанием становится главной. Ведь именно такие негативные свойства массового сознания как неумная потребительская интенция, агрессивность и эгоистическое своеволие определяют те цели и способы массовой практической деятельности, которые ведут нашу цивилизацию в тупик. Именно в этой связи Далай-лама говорит: «Мы остро нуждаемся в фундаментальном изменении человеческого сознания» (*Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира.* – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016. С. 109, 120). Но как научиться эффективно управлять собственным сознанием, изменять его стойкие диспозициональные структуры? Буддисты, овладевшие глубокими медитативными методами, умеют это делать, умеют преодолевать эгоистические и агрессивные интенции, развивать способность сострадания, сочувствия к другому.

На этом фоне наша способность управления сознанием выглядит крайне бледно. Большинство из нас хорошо знает это по своему опыту. Мы, например, не можем долго сохранять непрерывное напряжение мысли, во многих случаях не можем преодолевать слабость воли. Очень хочется сделать что-то большое, очень важное, а силы духа не хватает. Недостаток силы духа, слабость воли – одно из существенных проявлений слабости сознания. В этом плане у буддистов мы можем поучиться очень многому: концентрации внимания, воли, целенаправленности, напряжению мысли, погружению на глубокие уровни сознания.

Важно, однако, иметь в виду, что управление собственными явлениями сознания означает управление некоторым классом собственных мозговых процессов. Когда я напряженно думаю, направленно изменяю свою мысль, это означает в то же время, что я оперирую соответствующим классом своих мозговых нейродинамических процессов. Поэтому мы способны управлять нашей телесностью. Йоги, например, могут произвольно управлять

функциями вегетативной нервной системы, изменять желудочную секрецию или ритмы сердца. Достижение более глубокого уровня управления сознанием – это достижение не только более глубокого уровня управления своей телесностью, но и, как уже отмечалось, управление своими привычками, способностями, своими нравственными установками. У Далай-ламы центральная задача состоит в управлении своей нравственностью, в достижении более глубокого сочувствия, сострадания к другому человеку. Такое управление сознанием – важнейший фактор возвышения человечности. Но этому надо учиться.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что освоение буддийской феноменологии и эпистемологии в сочетании с развитием западных концепций сознания имеет большое социально-психологическое, научно-практическое значение в нынешних условиях жизни общества. Я бы хотел в этой связи специально отметить первостепенную заслугу Виктории Георгиевны Лысенко не только в организации нашей конференции и этого Круглого стола, но и в содействии взаимному сотрудничеству западных и буддийских ученых в исследованиях сознания. Недавно ею были опубликованы в «Вопросах философии» очень ценные материалы конференции «Буддизм и феноменология», которая была организована ею при поддержке Центра тибетской культуры и информации и фонда «Сохраним Тибет». В ходе конференции происходили дискуссии между буддистами, буддологами и западными феноменологами. Эти дискуссии представляют большой философский и методологический интерес.

В заключение хотел бы сказать, что диалоги с Далай-ламой, общение с ним, опыт, полученный на этой конференции дали нам мощный экзистенциальный стимул и заряд оптимизма. В нынешней ситуации, когда бурно нарастает множество всяческих знаний (большая часть которых несущественна, избыточна), а вслед за этим происходит колоссальное умножение проблем (над которыми мы уже теряем контроль), создается благоприятная почва для проявлений нигилизма, скепсиса, крайнего релятивизма и растущего состояния неопределенности. Со всех сторон мы слышим панические восклицания о порабощении человека технологиями, о приближении конца света. Это сочетается с явным недоверием к политическим и экономическим лидерам, к нашим телевизионным «учителям жизни», готовым научить всех, кроме самих себя. Да, современное развитие технологий и социальных процессов несет все большие риски и угрозы, перспективы преодоления глобального кризиса смутны. Но что же

делать? Мы обязаны не впадать в панику, в душевный ступор, крепить свой дух, всемерно поддерживать оптимистическую перспективу, веру в благие творческие возможности нашего разума. И делать свое дело. Другого не дано. Все другое – путь к маразму и небытию. Всем нам это понятно. Сохранению такой гражданской и нравственной позиции мы тоже можем поучиться у буддистов и Далай-ламы.

В.Г. Лысенко: Я хотела бы внести некоторую ясность в предысторию этой конференции. Уже стали появляться «апокрифы» о том, как Дмитрий Борисович Волков и Ваша покорная слуга попросили Далай-ламу о встрече и он согласился. Выглядело все так, но на самом деле инициатива исходила от самого Его Святейшества. И произошло это год назад, когда с Тэло Тулку Ринпоче и Юлией Жиронкиной мы готовили конференцию «Буддизм и феноменология». Было решено воспользоваться учениями Далай-ламы, проходившими в Риге, чтобы попросить Его Святейшество записать приветствие участникам конференции. На аудиенции с Его Святейшеством я рассказала о нашей конференции и он тут же среагировал: «Россия – это очень, очень важно!» И попросил меня подобрать группу российских ученых для поездки на симпозиум «Эмори-Тибет» (см. http://savetibet.ru/2016/12/22/dalai_lama.html<http://>) для встречи с ним и с американскими учеными в Мундгоде (Карнатака, Индия), которая намечалась на 22–23 декабря 2016 г. Конец года – это всегда очень напряженное время, и, к сожалению, никто из ученых, кого я пригласила, не смог поехать. Так что в нашей маленькой делегации оказались только философы – Дмитрий Борисович Волков и я. О желании Его Святейшества встретиться с учеными из России в рамках мероприятий института *Mind and Life* я услышала и этим летом в Париже от жены покойного Франциско Вареллы, соучредителя этого института совместно с Его Святейшеством, Ани Вареллы, нынешнего директора европейского филиала. По ее словам, он обращался к ней с этой просьбой трижды, поэтому она поставила вопрос о приглашении российских ученых на заседании европейской дирекции *Mind and Life*. То, что мы не стали дожидаться приглашения, а решили сами организовать отдельную встречу с Далай-ламой, как мне показалось, обрадовало Его Святейшество.

Что касается впечатлений о нашей конференции в Дели, хочу поделиться тем, что услышала от монахов. По словам моих собеседников, на конференциях *Mind and Life* с Далай-ламой именно западная наука находится в центре внимания, буддийская же точка зрения глубоко не обсуждается. Поэтому огромный интерес

к буддийской позиции по вопросам сознания, проявленный со стороны наших ученых, их вопросы и комментарии, произвели очень сильное впечатление. Это была та атмосфера дискуссий (и в рамках конференции и в кулуарах), в которой монахи, в силу своего образования и подготовки, чувствовали себя очень комфортно, поэтому они были равноправными участниками конференции, а не просто слушателями.

Поскольку мы все решили, что будем рассказывать Далай-ламе об особенностях российской науки, ведь его интересовала именно Россия, то я говорила о сюжете, который мне кажется чрезвычайно важным, в том числе и для нашего проекта. Я говорила о межкультурной философии как феномене эпохи глобализации. Ее также называют «кросс-культурной философией», «глобальной философией», «космополитической философией», или просто «мировой философией». И все эти названия возникли для того, чтобы обозначить уже существующее явление. Поэтому вопрос о том, нужна ли межкультурная философия или не нужна*, по моему мнению, обсуждать бессмысленно – она уже существует! Почему она так важна для нашего проекта? Когда ученые говорят с Далай-ламой об общих методологических проблемах своей науки, они в какой-то степени становятся философами, переходят на философский язык. То, что этот философский язык является исключительно европейским, вызывает определенные трудности для буддийской стороны. За время диалогов между учеными и Далай-ламой уже сложился круг людей, объединяющих обе традиции: это те западные философы и ученые, которые получили образование в буддийских монастырях, занимаются медитацией и изучают буддийскую философию, а также те буддисты, которые получили западное научное и философское образование.

Этот новый феномен нужно как-то обозначить, отсюда и попытки найти подходящее словосочетание, из которых «межкультурная философия» мне кажется самым удачным, поскольку отражает многополярность философского дискурса. Дело далеко не только в сравнении буддийской и западной философских традиций, которое практикуется в сравнительной философии. Дело в том, чтобы внести в горизонт исследования еще одну перспективу, чтобы отвечать на какой-то определенный вопрос, изучать

* В обзоре нашей конференции Антон Кузнецов из Центра исследования сознания при философском факультете МГУ отметил: «Я не уверен, что нужна отдельная интеркультурная философия. Ее создание мне кажется отчасти искусственным» (http://hardproblem.ru/events/kognitivnaya-nauka-v-dialoge-ku/#_Toc493351805).

какую-то определенную научную проблему из топосов разных культурных традиций. Чрезвычайно эвристически эффективный инструмент! Для Далай-ламы это та реальность, в которой он живет, это люди, которыми он окружен. Например, геше Туптен Джинпа Лангри, его личный переводчик, это человек со степенью PhD и геше-лхарамба, высшая ученая степень в тибетской системе образования. Монахи, лекции которых мы слушали, тоже относятся к этой категории.

Что значит быть межкультурным философом на практике? Поделюсь своими ощущениями, так как считаю себя в некотором смысле межкультурным философом. Когда я читаю западные философские тексты – современные или исторические, то часто ловлю себя на реакции (т.е. это уже определенный автоматизм мышления): «Надо же: а буддийские философы практически также формулировали эту проблему» или «формулировали ее иначе», или «вообще не заметили, но зато поставили другую проблему, которой нет в западной философии». Думаю, что постоянное удерживание в поле внимания разных перспектив, это и есть одно из преимуществ межкультурной философии. Я прибегну к метафоре: когда включен один прожектор, то вещь освещена лишь с одной стороны, когда же вы включаете другие прожектора, то получаете более отчетливое и объемное изображение. Чем больше источников света, тем яснее ваше понимание. Проблема сознания – ключевая для нашего собственного этоса, для нашего образа мыслей, для нашего поведения. Мы хотим понять, кто мы как мыслящие существа? И не только на Западе! Люди, принадлежащие к разным культурным традициям, задаются теми же вопросами, а некоторые из них достигли успехов не только в своих попытках понять сознание, но и в попытках через изменение природы сознания преобразовать всего человека.

Я считаю, что западные ученые совершают большую ошибку, когда относятся к медитирующим буддистам как к лабораторным животным, которых изучают с помощью современных методов. Мне кажется, что для понимания характера состояний сознания, которых достигают буддисты в своих медитациях, следует руководствоваться не западными парадигмами, в основном базирующимися на изучении либо патологий сознания, либо, так сказать, нормального сознания, а буддийскими теориями сознания. В них же следует обратить внимание на то, что эти состояния объясняются не как отклонения от нормы (как на Западе, где их не случайно называют «измененными состояниями сознания» или «пограничными состояниями сознания»), а как

базовые состояния, лежащие в основании всего нашего опыта. Здесь есть и эксперимент, и теория. И мы должны быть знакомы и с тем и с другим. Перспективными мне кажутся прежде всего такие исследования, в которых эксперименты придумываются, исходя из каких-то буддийских теорий. Такие исследования уже проводятся на Западе.

В комментариях на наши диалоги я читала, что буддийские классификации какие-то мутные, нестрогие. Хочу авторитетно заявить, что классификационное мышление в Индии развито на несколько порядков выше, чем на Западе. Для того чтобы понять, какие классификации могут быть нам интересны в первую очередь, а какие во вторую или неинтересны вообще, например, в силу своего чисто религиозного характера, надо основательно в них разбираться. Это даст нам возможность выбрать именно те классификации, которые нам помогут, а не браться за те, которые нас уведут от нашей основной задачи. Я очень надеюсь, что встреча наших ученых с Его Святейшеством, и этот Круглый стол помогут нам в преодолении культурного шовинизма, который, к сожалению, пока еще доминирует в нашей философской среде, в нашем институте, и что хотя бы некоторые коллеги заинтересуются межкультурными философскими сюжетами. Мы гордо отождествляем себя с западной традицией, нам кажется, что «о! мы самые великие, у нас есть научно-технический прогресс, у нас есть наука, которая его обеспечивает, у нас есть мощнейший интеллектуальный потенциал, с помощью которого мы сами решим все проблемы!» И нам совершенно не интересно, что происходит за ее пределами – своего хватает с лихвой! С такими приоритетами (осознанными или неосознанными) мы никогда не узнаем, что в какой-то традиции какая-то проблема, над которой мы работаем, разработана глубже, а в какой-то есть совершенно новый подход... Мы обречены создавать разные варианты «глобуса Украины» (помните, был такой шуточный сувенир). Я убеждена, что только выход за пределы западной традиции позволит взглянуть на себя со стороны и избавиться от этого нарциссического самообмана.

К.В. Анохин: Я хотел бы поддержать этот призыв Виктории Георгиевны к межкультурной коммуникации, аргументировав его с биологической точки зрения. Мне кажется, один из наиболее перспективных и интересных проектов между буддийской философией и буддийской наукой с одной стороны и западной философией и наукой в области сознания, с другой стороны, должен быть похож на сравнение разных биологических видов,

эволюционировавших в одной и той же среде. Например, птицы и летучие мыши. Или акулы и дельфины. Совершенно разная история их развития приводила к конвергенции из-за того, что они сталкивались с определенной общей реальностью. И сопоставление этих двух разных видов, прошедших длительную эволюцию общения с одной и той же реальностью, может что-то рассказать нам и об этой реальности. В этом смысле две с половиной тысячи лет буддизма и западной философии в области попыток понимания нашего «я», внутреннего мира и сознания – это очень ценный сравнительный материал. Интересным специальным проектом может стать, например, сопоставление найденных буддизмом и западной философией характеристик феноменологических свойств сознания. Если взять, например, пять ключевых свойств сознания, которые выделяются в современной западной философии сознания и в буддизме – насколько эти понимания совпадают? На нашей встрече мы слышали замечательные доклады на эту тему.

У нас есть еще два участника нашей конференции с российской стороны: *Андрей Анатольевич Терентьев* и *Юрий Иосифович Александров*. Я думаю, что многие из вас читали книги Его Святейшества в переводе Андрея Анатольевича. Несколько слов если можно.

А.А. Терентьев: Спасибо, что мне предоставили слово. Я не планировал выступать, потому что, хотя я и был членом этой делегации, я был скорее своего рода «подсадной уткой» со стороны буддизма в среде ученых. Поскольку я имею отношение и к науке, и к буддизму, меня пригласили для того, чтобы способствовать взаимопониманию между нашими нейробиологами и буддийскими философами. С Его Святейшеством Далай-ламой я хорошо знаком, поэтому у меня впечатлений больше осталось о нейробиологах, чем о буддистах. Но здесь нечего обсуждать. Очень приятные люди, хорошая компания (смеется). Я был очень тронут тем, что буддийские идеи и практики и буддийская наука произвели на наших ученых такое сильное впечатление. Мне это очень приятно, а то чувствуешь себя порой одиноким, когда все вокруг говорят, «вот у нас наука, а тут суеверия».

Поскольку уровень делегации, которая участвовала во встрече с буддийскими учеными был высокий, люди все известные и влиятельные, я надеюсь, что у нас в стране это будет способствовать лучшему пониманию буддизма и ликвидации некоторых предрассудков и антипатий, которые традиционно существуют в России относительно буддизма. Поэтому я очень рад, что эта встреча произошла, и что она прошла настолько успешно.

Ю.И. Александров: Что касается меня, давным-давно я был знаком с одним человеком, который трагически погиб – это американский ученый Гарри Клопф. И он был буддистом, но сначала я этого не знал. Мы с ним долго беседовали о жизни, об отношении ко всему... И в конце наших бесед он мне сказал: «Юра! Да ты же буддист!» Иначе говоря, возможно, в каком-то смысле «стихийным буддистом» я был всегда.

Что же касается нашей конференции, мои желания состояли в том, чтобы Его Святейшество и его коллеги увидели, что русская наука – не просто часть мировой науки, что действительно так, но что у нее есть специфика. И поэтому приглашение сюда русских ученых – это хорошо не просто потому, что есть такая большая соседняя страна – Россия, а и потому что многие концепции в русской науке имеют довольно большую близость с буддийскими концепциями в смысле холизма, холистического описания мира. И если вначале Его Святейшество в основном подчеркивал одинаковость людей, то позже, когда мы задали ему вопрос относительно продолжения сотрудничества, он сказал: «Да, да, сотрудничество – это очень хорошо, и именно она, русская наука может иметь с буддистами лучший контакт». Я считаю, что это блестящий результат нашей конференции.

По поводу моего выступления ко мне подходили люди и совершенно четко и в такой полноте выражали суть того главного, что я сказал. Я этого даже не ожидал. Разница между людьми (как и вообще внутри- и межвидовое разнообразие) – это не помеха, а наоборот, это очень хорошо, поэтому надо не просто терпеливо переносить чужих, а радоваться, что они другие, потому что другие – это другой взгляд, который дополняет твой. И мы можем описать, познать реальность только вместе, с разных сторон. Именно в связи с особенностями наших культур, разными подходами и т.д. Я вообще считаю, что эту идею все государства мира должны пропагандировать в своих странах – не толерантность в классическом понимании (выносить чужого), а теплые чувства к чужому, причем, чем более он чужой, тем лучше, потому что тем более отличен его взгляд, тем более тебе не хватает такого взгляда. И эта идея была схвачена, меня это вполне удовлетворяет. Мои рассуждения насчет сознания и эмоций в рамках единой концепции сознания и эмоций, как мне кажется, тоже представляют некоторый интерес, по крайней мере в связи с тем, что в них учитывается континуальность, неправильность выделения отдельных «блоков» сознания и эмоций. Эта позиция,

насколько я могу судить по литературе, описывающей позиции Его Святейшества, согласуется с буддийскими подходами.

Наша задача была, конечно, и в том, чтобы не только рассказывать, но и слушать, в том числе буддистов-ученых, учиться у них, но в первую очередь все-таки рассказать об особенностях нашей науки. Я не знаю, какой это произвело эффект. О некоторых результатах я вам сказал – у меня сложилось впечатление, что они положительные – это первое. А во-вторых, как вы поняли, мне очень нравится инаковость, так что когда это инаковость, да еще в рамках холистических представлений, это явно дополнительный взгляд, и он мне интересен. И вообще, я считаю, что существуют разные способы познания мира: религиозный, научный, художественный и т.д. Они тоже дополнительные.

К.В. Анохин: Наша встреча имела еще одну особенность. При ее планировании мы решили, что очень важно помимо нескольких основных докладчиков с российской стороны попытаться включить в делегацию и группу молодых ученых в области психологии, философии, нейронауки. И здесь я, как и Давид Израилевич, хочу вновь с благодарностью вспомнить наших спонсоров. Они сами с готовностью вызвались оплатить поездку молодых ученых на эту конференцию. Сегодня в зале присутствуют некоторые из молодых участников этой конференции, и я бы хотел попросить их также сказать несколько слов. Татьяна Юдина, аспирант факультета психологии Института общественных наук. Пожалуйста.

Т. Юдина: Мои впечатления от данного события пронизаны разнообразными эмоциями. Сразу скажу, что каждый день пребывания в Дели я просыпалась с благодарностью за такую неожиданную возможность. Поэтому, в первую очередь, я хочу выразить свою безмерную благодарность и Дмитрию Волкову, и Станиславу Никольскому, а также Виктории Георгиевне и Марии Вячеславовне! Спасибо Вам большое! Меня давно интересует буддизм, а темой моих исследований в области психологии является эмпатия. Я пристально следила за выступлениями Далай-ламы и заметила, что, почти в каждом своем выступлении он поднимал темы сострадания и эмпатии. С другой стороны, меня привлекает и нейробиологическая тематика, лекции и выступления Константина Владимировича Анохина я также регулярно слушала с большим интересом.

Я была приятно удивлена интересом наших ученых к философии буддизма и с вниманием слушала доклад Константина Владимировича, где он упоминал о необходимости разработки общей методологии. Я не осмелилась подойти к нашим ученым со своими вопросами, о чем очень сожалею. Однако, к моей радости, мне удалось побесе-

довать с некоторыми монахами, присутствовавшими на встрече. Например, с Тензином Приядарши, который выступал с докладом, посвященным этической проблематике. Это был незабываемо приятный и познавательный диалог, благодаря которому я смогла глубже понять феномен страдания с точки зрения философии буддизма. Мы также коснулись темы эмпатии. Меня обрадовали слова Тензина Приядарши в ответ на мой вопрос о том, как он оценивает текущий диалог русских и буддийских ученых, он сказал: «Это – диалог “на равных” и это необычно. На других подобных встречах, например, с американскими учеными, мы себя чувствуем испытываемыми».

В последний день, после дискуссии, в которой принимали участие молодые ученые и во время которой я поднимала вопрос эмпатии, ко мне подошли несколько монахов с целью продолжить обсуждение темы эмпатии. Услышав мнение, подтвержденное результатами ряда исследований, относительно того, что эмпатическая реакция сама по себе не является гарантией проявления просоциального поведения, они очень заинтересовались. Поразительно, но наша беседа превратилась буквально в рабочее обсуждение процедуры исследования. Буддисты активно предлагали различные идеи относительно того, как можно измерить уровень эмпатии среди монахов, а также то, как связан этот уровень с просоциальным поведением.

Я надеюсь на возможность проведения совместных исследований той или иной проблемы, касающейся эмпатии. Так, во-первых, было бы интересно выяснить, влияют ли буддийские практики осознанности на тип ответного переживания, возникающего при наблюдении чужого негативного состояния. Во-вторых, последует ли за этим помогающее поведение в данном случае. Кроме этого, интересно посмотреть, отражается ли своеобразная буддийская концепция «я» на когнитивном компоненте эмпатии, который отвечает за способность представить себя на месте другого человека. На мой взгляд, такие линии исследований могут расширить наши знания о механизме эмпатии, а результаты позволят разработать и соответствующие программы для повышения уровня эмпатического поведения у наших детей и взрослых.

К.В. Анохин: Знаете, когда мы начинали конференцию, у нас был план на первом заседании поговорить в целом о тех научных подходах в России, которые, может быть, неизвестны Его Святейшеству. Нам пришлось отменить эту сессию из-за расписания Его Святейшества. Но вот эмпатию я хотел обязательно упомянуть на том первом заседании. Вы наверняка знаете, какое значение в буддизме придается сочувствию, сопереживанию, взаимопомощи,

кооперации. Я думаю, не случайно, что ключевые эволюционные идеи о кооперации были предложены в конце XIX в. российскими естествоиспытателями Карлом Федоровичем Кесслером и Петром Алексеевичем Кропоткиным, причем это было настолько не в струе доминировавшего в то время дарвинизма, идей конкуренции, отбора, борьбы между организмами за сосуществование, что на протяжении многих лет эти работы не воспринимались как часть реальной научной проблематики. Только постепенно в западной эволюционной биологии факторы кооперации стали рассматриваться как важные движущие силы эволюционного процесса. То же самое можно сказать и в отношении принципа симбиоза, взаимопомощи и взаимовыгодного существования организмов. Сама концепция «симбиогенеза» тоже была предложена в начале XX в. российскими биологами Константином Сергеевичем Мережковским и Борисом Михайловичем Козо-Полянским и только потом постепенно получила распространение в западной науке, трансформировавшись в симбиотическую биологию. Примечательно, что и те биологи, кто ввел понятие симбиоза, и те, кто говорил о кооперации – выводили эти феномены из своих наблюдений за характером жизни организмов в России, в ее особых экологических условиях. Как говорил Кропоткин, в отличие от перенаселенной Европы, в России расстояние между отдельными особями и неблагоприятность внешних условий среды, холода таковы, что это толкает организмы к взаимопомощи, а не к конкуренции. Эти особенности климата и огромных территорий, может быть, сыграли важную роль не только в появившихся в России концепциях в области биологии, но и также и в области представлений о человеческом поведении.

У нас есть еще участники молодежной части делегации. Пожалуйста, Антон Кузнецов, Московский университет, Центр исследований сознания.

А. Кузнецов: Хочу сказать большое спасибо Виктории Георгиевне Лысенко, Константину Владимировичу Анохину, Юлии Жиронкиной за немалые усилия, которые они приложили для организации этой встречи, потому что сам ее формат действительно был непонятен: что конкретно мы будем делать, о чем будем разговаривать. Открою небольшой секрет: у нас даже были совместные собрания перед поездкой по этому поводу. Сейчас, когда уже было так много сказано, у меня в голове целый вихрь мыслей, с которым я не могу справиться. Поэтому мои комментарии будут достаточно общими. Первое: я бы сказал, что испытываю оптимистический скептицизм в отношении дальнейшего диалога между буддийскими и российскими учеными.

К.В. Анохин: Это вполне в буддийской традиции!

А. Кузнецов: Да, я согласен. В буддийской философии это на самом деле очень родственно европейской философии. И второе: эта поездка заставила нас словно в зеркало взглянуть и на российскую философию, и на российскую науку. То, чего я не мог увидеть здесь, я увидел там. Отчасти противопоставление западной и буддийской традиции мне не совсем ясно, потому что, зная насколько разнообразна современная европейская философия (а это на самом деле и североамериканская, и австралийская и какая угодно), мне трудно сказать, где же находится эталон западной философии.

С другой стороны, я бы отметил, что в Индии диалог еще не состоялся. Это было просто знакомство. И мы были в том положении, когда были вынуждены обсуждать самые общие вопросы: места-ми беспредметно, без соответствующего обоюдного понимания предмета. Но это был необходимый шаг для того, чтобы данный диалог начался. И сейчас, спустя некоторое время с момента этой встречи, нам очень важно переосмыслить тот опыт, который мы получили, и понять, как действовать дальше. В частности, я согласен с Константином Владимировичем в отношении гипотезы о том, что сознание порождает сознание, и в отношении дальнейших перерождений. Только моя позиция более радикальна: это не может быть научной гипотезой вообще. К сожалению. Так что этот вопрос здесь можно просто отставить в сторону. Но это моя позиция. Вы вольны к ней присоединяться или нет.

Очень важно также еще, что это движение между буддийскими и российскими учеными должно быть обоюдным. Поскольку эта конференция показала не только то, что мы мало знакомы с буддийской традицией, но для меня как специалиста по философии сознания в общем-то стало ясно, что категориальный аппарат философии и метафизики сознания, современных исследований сознания также мало изучен в буддийской философии. То есть буддийские ученые-монахи лучше разбираются в естественной науке, но хуже разбираются именно в том, на каких основаниях эта наука находится. И когда мы говорим о том, что нужно создать союз российской науки и буддийской философии, нужно иметь в виду, что в принципе союза между наукой и философией как такового сейчас пока еще нет. И в принципе это дело только будущего. Здесь, я думаю, есть коллеги, которые преподают философию на естественных факультетах и знают, что общие философские курсы для ученых ничего не дают. Понимаю, что это очень сильное утверждение, но по роду деятельности я постоянно имею дело с последствиями общих

курсов по философии, которые создают негативную репутацию и предрассудки по отношению к философии. Может быть, есть исключения, но общее правило таково. Поэтому дело еще и в том, чтобы изменился статус философии в глазах ученых, а это требует и существенной перестройки общих философских курсов. А пока о союзе науки с какой бы то ни было философией говорить не приходится.

Тем не менее я смотрю в будущее с оптимизмом и считаю, что конкретные естественнонаучные исследования здесь возможны. Примеры таких исследований уже есть. И требуется, безусловно, некоторая интеркультурная философия. Правда, мой тезис менее радикален, чем у Виктории Георгиевны. Поскольку, когда мы обращались к темам сознания, например, на этой конференции, было не совсем ясно, что имеют в виду монахи, когда пользуются на английском языке словом “consciousness”, и что имеем в виду мы. Есть ли у нас действительное общее поле понимания? У нас было ощущение общей встречи, но это ощущение должно быть наполнено конкретным содержанием. А это содержание может появиться только лишь когда будет обоюдное движение навстречу.

К.В. Анохин: Я хотел бы также попросить сказать несколько слов Бема Митруева, аспиранта Виктории Георгиевны (сектор восточных философий Института философии РАН).

Б. Митруев: Спасибо! Как мне показалось, конференция была очень интересной. И я сейчас хотел бы сказать пару слов с буддийской стороны. Я хотел бы сказать о том, как буддисты в общем и целом понимают сознание, как они его представляют и что такое сознание для буддиста. Дело в том, что, как многие из вас, наверное, знают (я просто хочу чуть-чуть внести ясность), буддисты воспринимают сознание как нечто нематериальное. То есть сознание и материя для буддистов – это две противоположные вещи. И более того, есть такой известный труд Дхармакирти, который называется «Праманавартика», т.е. комментарий на «Прамана-самуччаю», которая была написана Дигнагой. Там опровергается несколько точек зрения, узнав которые можно более или менее представить себе, что же буддисты подразумевают под сознанием. И здесь Дхармакирти утверждает, что сознание не является материальным. Он опровергает положение, что сознание является сущностью или природой тела, или физического, подобно алкоголю и его способности опьянять. То есть это – нечто такое, что является природой материи. Оно не подобно светильнику и свету светильника, не порождается материей. И третье, сознание не является качеством

материи, т.е. сознание не подобно фреске, написанной на стене. Это то, как буддисты представляют себе сознание.

Здесь очень важно задаться вопросом, почему буддисты думают, что сознание нематериально, почему оно не является материей и не может восприниматься как качество или результат, или природа материального. Дело в том, что буддисты предполагают, что все то, что возникает, возникает из своей собственной причины. Более того, причина, из которой возникает нечто, должна соответствовать результату. Очень часто в буддийских текстах приводятся примеры. Скажем, если мы сажаем горох, то, скорее всего, вырастет горох, скорее всего, из зерна гороха не вырастет, скажем, пшеница. И, соответственно, если сознание возникает из чего-то, то оно должно возникать из схожей причины. И так как буддисты утверждают, что сознание нематериально, то оно должно возникать из чего-то, что не является материальным, что схоже с результатом, это должен быть один континуум, один поток. Поэтому буддисты утверждают, что сознание нематериально. И если оно нематериально, то вследствие этого буддисты также вынуждены утверждать существование предыдущих и следующих жизней. Но это то, о чем я сейчас не буду говорить. Спасибо!

К.В. Анохин: Это серьезное выступление Бема подчеркивает проблему глубоких различий между буддизмом и современной наукой. Я не говорю «философией», о чем шла речь в выступлении Антона Кузнецова – там может быть различие и не такое большое. Именно различий с современной наукой. И это основание для важного обсуждения. Например, в книге Его Святейшества «Вселенная в одном атоме» есть глава о дарвинизме и теории эволюции. И, надо сказать, она довольно скептическая, хотя и не отрицающая факторы биологической эволюции. Это имеет прямое отношение к тому, что Вы сказали и о происхождении сознания. Дело в том, что в древних системах мысли существовала необходимость выстраивать понимание причинности, не имея при этом идеи эволюционного процесса. И это обстоятельство, это отсутствие методологии эволюционного мышления при поиске ответов на трудные вопросы надо обязательно принимать во внимание. Как сказал тот же Симпсон в своей известной статье о природе человека – «все попытки ответить на этот вопрос, предпринимавшиеся до 1859 г. (т.е. до выхода труда Дарвина), ничего не стоят и нам лучше совсем не принимать их во внимание». А буддизм основан на попытке решить эту проблему целых две с половиной тысячи лет назад. Так что здесь есть многое, что надо внимательно и критически обсуждать.

В.Г. Лысенко: Я хотела бы немного дополнить Бема. В общем, в буддизме есть одна особенность, которая сближает его с некоторыми направлениями современной науки и современной философии. Это разработанность каузальных отношений. У Бема просто не было времени об этом рассказать. Когда мы говорим о возникновении какого-то явления, то никогда не может быть одной единственной причины. Причин всегда много. Но в этой множественности есть факторы прямого причинения, а есть дополнительные, обуславливающие факторы, или факторы, скажем, второго порядка, которые вызывают разные другие моменты, без которых явление не возникло бы. Согласно одной из важнейших концепций причинности, разрабатываемых индийскими философами, следствие предсуществует в причине как растение предсуществует в зерне. Если у нас есть зерно, значит, будет и растение. Буддийская теория отличается от этого радикально, она утверждает, что для возникновения растения не достаточно одного зерна. Важно, в какую почву оно посажено, не пересушено ли оно, не сгнило ли, как его поливают, как за ним ухаживают, т.е. множество факторов определяет в конечном итоге появление ростка. И не будь хотя бы одного из них, растение не появится. Этот образ помогает понять и буддийскую теорию сознания, а также буддийскую идею перевоплощения. То, что мы понимаем под сознанием, и то, что буддисты понимают под сознанием, вещи совершенно разные. Мы понимаем под сознанием тот факт, что мы осознаем. Состояние бодрствующего осознания. В индийской философии и в буддизме есть четыре ступени сознания. К формам сознания относится не только бодрствование, но и сон со сновидениями, сон без сновидений, наконец, четвертое состояние, еще более глубокое и бессознательное. У Далай-ламы есть шестиуровневая классификация, доходящая до состояний, когда уже совершенно не действует никакая причинность, но это все равно сознание. То есть то, что мы считаем бессознательным или подсознательным, для буддистов – часть сознания.

Это снимает некоторые проблемы с перерождением, потому что мы себе представляем дело так: сознание человека в одном воплощении как бы перемещается в сознание человека в другом воплощении. Согласно буддизму, это не так. Каждый поступок, который мы сознательно совершаем, оставляет некий отпечаток, некоторый след. Мы можем сравнить это с «врожденной» predisположенностью, склонностью к чему-то, с генами, когда говорят: «у него такие гены», чтобы объяснить поведение человека. Именно эти predisположенности, а не конкретные характерологические

черты, и переходят от одного существования к другому. А дальше все зависит от ситуации, в которую попадают эти предрасположенности в новом перерождении: какие-то из них активизируются, какие-то нет. Считается, что никто не помнит своих прошлых перерождений, кроме святых и очень продвинутых йогов. Если обычный человек «вспоминает» свое перерождение, это ничего не доказывает. Потому как этого нет в теории, ее на этом не «подловишь». Проверка идеи перерождения на основании проверки достоверности фактов моих «воспоминаний» о событиях моей прошлой жизни не докажет и не опровергнет ее.

А.А. Терентьев: Я тоже хотел бы прокомментировать то, что сказал Бем, но немножко в другом аспекте. Мы здесь говорим о буддизме как о чем-то одном, целостном, и о науке как о чем-то одном, целостном. Вот, например, то, что Бем говорит о нематериальности сознания. Не нужно думать, что вся материалистическая наука не понимает, что сознание нематериально. Диалектический материализм с самого начала об этом говорил, и даже Ленин, как я уже упоминал, считал, что «назвать мысль материальной – значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» («Материализм и эмпириокритицизм»). И в буддизме, и в науке есть разные точки зрения по этому поводу.

И второй момент – это то, о чем говорили и я, и Константин Владимирович, и Бем тоже касательно связывания сознания с проблемой перерождения напрямую. Не нужно опять-таки думать, что буддизм в этом плане однороден. Как было показано исследованиями, в буддийских текстах мы можем найти три точки зрения по этому поводу: признание перерождений совершенно необходимо; признание перерождений может быть, а может и не быть; и признание перерождений вообще не нужно. И не следует думать, что это какие-то модернистские веяния в буддизме! И сам Будда не требовал, чтобы его ученики обязательно признавали перерождение. В «Каламе сутте», например, он говорит: «Таков, о каламы, *арийский слушатель*, чьи помыслы столь чужды вражде, чужды злонамеренности, чужды осквернению и столь чисты... [Он думает:] Если есть тот свет и есть созревание плода хороших и дурных поступков, то я после смерти, после распада тела попаду на небеса, в благой удел... Если же нету того света, нету созревания плода хороших и дурных поступков, то я уже в этой жизни чужд враждебности, жадности, дури и блюду себя в счастье» (Буддизм России. 2010/2011. № 43. С. 7). Даже арьи («святые»), по мнению Будды, могли сомневаться в существовании перерождения. То есть все несколько сложнее, и нам нужно об

этом помнить, когда мы сопоставляем буддизм и науку такими широкими категориями. Спасибо.

Т.В. Черниговская: Я тоже хотела бы дать очень небольшой комментарий. Я совсем не хочу сейчас входить в науку – это очень длинный разговор. Но несколько вещей я все-таки скажу. Дважды было сказано, что мы общались на равных. Я не общалась на равных. Я общалась как ученик. Ни о каком равенстве с моей стороны речи не было. Это я говорю совершенно точно. Это первое.

Второе – то, что сказал Константин Владимирович, и несмотря на излишний пафос того, что я сейчас скажу, – такого рода контакт, имеет цивилизационное значение. Я считаю, что это так. И то, что сказал Давид Израилевич насчет экзистенциальной ценности того, что произошло – да, это так! То есть не будем застенчиво, как бы глядя в сторону, считать это просто одним из событий. Это не одно из событий! Это очень крупное событие.

Следующий мой комментарий вот какой. У нас действительно есть дисбаланс, потому что в крупных буддийских монастырях, как я теперь знаю, преподается наука, science в серьезном смысле слова. И что-то я не вижу, чтобы внутри наших учебных заведений – я имею в виду не философию в курсе «Истории мировой философии», – чтобы кто-нибудь делал шаги в эту сторону. Этих шагов нет! Поэтому дисбаланс огромный. Даже западная философия в учебных заведениях естественнонаучного профиля воспринимается вроде как физкультура или гражданская оборона: нужно сдать зачет – и все. Непонимание научным сообществом первостепенной роли философии в развитии современной науки просто поражает, удивляет.

Ну и последнее: то, что Его Святейшество не только мудрец, видно сразу. Но это, я бы хотела сказать, мощнейшая личность. Это какое-то невероятное явление. И это выражается даже просто в его поведении: он смешлив, он провокатор, он замечательно, неожиданно смеется. Он задает вопросы, над которыми соответствующие науки думали несколько десятилетий и с трудом придумали этот вопрос, а он просто вдруг откуда-то как бы бьет тебя этим вопросом. И он говорит то же, что совсем с другого полюса говорит Стивен Хокинг, а именно: человечество себя не знает... Ну, это моя формулировка, он, разумеется, выражается другими словами: человечество абсолютно не осознает себя как единая семья, как будто ему ничто не угрожает. И даже на одном из обедов, если помните, Его Святейшество сказал вообще феноменальную вещь. Подозреваю, что ряд ЦРУ-шников, которые стояли по стенам, содрогнулись. Он сказал: «Я понял, нужно штаб-квартиру НАТО перенести в Москву». Народ, естественно, зашелся. Но что говорит

Стивен Хокинг совсем, так сказать, из другого мира? Он говорит: «Человечество, судя по всему, опомнится только тогда, когда будет общая угроза». Он, как вы знаете, играет в инопланетян, но совсем не важно, как это назвать. Когда появится угроза всему миру, тогда, может быть, люди очнутся от идиотизма и как-то соберутся с силами. Тем не менее нужна общая угроза. А вот мне кажется, что эта общая угроза уже прямо тут, на столе. Я не знаю, где будет штаб-квартира НАТО, но только человек с совсем уже немислимой толщиной кожи может не ощущать то, где сейчас находится мир, когда буквально чуть-чуть ветер подует – и планета рванет. Поэтому то, что Его Святейшество *вот так* смотрит на мир, имеет общемировое значение. Цивилизационное значение. Спасибо.

К.В. Анохин: Надо добавить, что во вступительном слове к нашей встрече Его Святейшество объяснял, почему он придает такое большое значение науке. Одна из причин – это то, что наука формирует область доверия разных наций, разных людей. Кому доверять? Политикам? Одни люди доверяют одним, другие – другим. И возникает перекрестное недоверие. Но наука – это область, где разные страны, разные религии, разные культуры находят некоторый общий фактор понимания и согласия. И поэтому наш диалог через науку так важен.

Ну вот, мы все перед вами выступили. И наверняка есть желание задать какие-то вопросы или поделиться какими-то своими идеями и соображениями. Пожалуйста.

В.Ф. Петренко (факультет психологии, МГУ): Я очень признателен организаторам этого собрания, потому что, действительно, было очень интересно и хорошо передан дух встречи с Далай-ламой. Мы буквально заразились вашими эмоциями. К моему глубокому сожалению, я не был участником встречи с Далай-ламой. Но много лет тому назад я был среди российских паломников на встрече с Далай-ламой в его резиденции в Дхарамсале, у подножия Гималаев. Находясь среди огромного числа паломников я, конечно, не имел возможности пообщаться с ним лично. Но некоторый опыт взаимодействия с буддийскими монахами и представление об их менталитете у меня есть. С коллегой А.П. Супруном мы участвовали в буддийских конференциях в Чите и Бурятии и проводили исследования по психологии буддизма, неоднократно устраивали экспедиции в Туве, которая сочетает в себе и буддизм, и шаманизм. Мы путешествовали по Тибету, были и в Лхасе, посещали легендарный дворец Потала с его усыпальницами предыдущих Далай-лам. По пути к Кайласу посетили более десятка горных монастырей и через переводчика общались с монахами.

И наконец, совершили кору, многодневный (круговой обход) горы Кайлас, объекта поклонения как индуистов, так и буддистов, и по моему внутреннему ощущению, являющуюся грандиозным искусственным сооружением какой-то неизвестной цивилизации.

Но вот что хотелось бы сказать в плане возможного дальнейшего развития этой тематики, совместных встреч с буддийскими учеными. Первое. Буддизм, хотя официально это мировая религия, для духовных учителей уровня Далай-ламы и самого Будды Шакьямуни, является скорее экспериментальной философией, духовной практикой работы с сознанием и его бессознательными уровнями, практикой, включающей глубоко проработанные этические принципы. Как полагал сам создатель этого учения Будда Шакьямуни, любой человек, достигнув просветления, может стать буддой. Поэтому буддизм в его ранних формах и являет собой скорее духовную науку, чем религию, поскольку не содержит требования некоего божественного по происхождению источника. Поклонение Будде – это скорее поклонение основателю учения, хотя среди широких и склонных к мифологизации масс, он трактуется как божество.

Второе. Погружение в философию буддизма невозможно без практики медитаций, использования психотехник, психопрактик, которые очень развиты в буддизме; практик измененных состояний сознания или рефлексивных практик сознания. То есть эту проблематику невозможно обсуждать только на рациональном, понятийном уровне. Я помню, когда в рамках «Движения 2045» в Индии в Дели проводилась конференция, она вообще начиналась с занятий йогой, с медитации, так сказать, с погружения, притом что там были представители практически всех религий. Как говорится, истину нельзя познать. В истине надо быть.

Буддизм как учение предельно психотехничен и не может быть полноценно понят без практики работы с измененными состояниями сознания, без практики медитаций и снятия чувства «двойственности». Вся западная (европейская) наука, (за исключением трансперсональной психологии, находящейся под влиянием индуизма и буддизма) базируется на субъектно-объектной парадигме, где исследователь (субъект) познает независимо от него существующий объект. Правда, такая методологическая трактовка в настоящее время поколеблена философской концепцией постнеклассической рациональности (Степин, Лекторский, Касавин, Микешина) и психологической трактовкой конструктивизма (Дж. Келли, Асмолов, Петренко). Буддийская трактовка «недвойственности» предусматривает снятие субъект-объектной оппозиции и интеграцию со всем миром бытия, что в свою очередь

реализует принцип «анатман» – отсутствия индивидуального Его. Приобщение к буддийскому мировосприятию, потребует от современной науки значительного переосмысления собственных методологических положений и значительной трансформации понятийного аппарата, что мы и наблюдаем в области квантовой физики, когда такие феномены, как редукция волновой функции, феномен квантовой телепортации (или ЭПР) и т.п. – приводят к близким буддизму трактовкам «не локальности бытия» и системной целостности всего миропорядка. Квантовые метафоры, близкие по духу понятиям буддийской философии, оказываются чрезвычайно эвристичными для объяснения психологических феноменов, таких как интуиция, предчувствование, синхрония. Последняя задает новый, отличный от причинно-следственных связей принцип синхронического резонанса квантовых и психических состояний. Об этом, выступая перед нами, и говорила Татьяна Владимировна Черниговская, давая анализ современной науки, построенной, в основном, на причинно-следственных связях. А в практиках измененных состояниях сознания, в эмпатийных процессах в духе Анри Бергсона и Карла Юнга реализуется иной тип взаимодействия – синхронизм. Это даже не передача информации. Это мгновенный отклик, резонанс состояний вне категорий времени и пространства. И в этом плане можно рассматривать то, что в начале прошлого века взаимодействовали физик Вольфганг Паули – лауреат Нобелевской премии, и известный нам психолог Карл Юнг. Вот эта линия, когда феномены, такие как ЭПР (Энштейн-Подольский-Розен), квантовая телепортация, рассматриваются как своего рода аналог таких психологических феноменов как телепатия, эмпатия, феномены синхронии – это одна из возможных линий взаимодействия современной психологии и буддизма, которая, благодаря своим медитативным практикам, в своем метафорическом языке уловила многое из того, перед чем современная наука в удивлении остановилась. Если для описания предметного мира адекватным является язык декартова пространства или, в обобщенном виде, пространства Минковского, то для описания бессознательного приемлем язык гильбертова пространства, описывающий беспредметный мир вне времени и пространства.

Другая возможная линия развития – выход за рамки мозга, на чем, как мы слышали из предыдущего доклада, сосредоточены усилия коллеги Константина Анохина. Проблематика сознания и бессознательного требует выхода за рамки отдельного субъекта, понимания роли сознания в контексте глобальной эволюции. Это тематика Big History, Глобального Эволюционизма от Большого Взрыва до

прогнозов интеграции в рамках космического сознания (Судзуки). Эту проблематику также хорошо осмыслил буддизм, дзен-буддизм, выводя познание в более широкий контекст. Недавно в МГУ состоялся большой конгресс по Глобалистике. Там была целая секция, связанная с тематикой Big History: глобальная эволюция от Большого взрыва до множественных вариантов нелинейного будущего. Это тоже перспектива контекста развития возможной программы взаимодействия науки и буддизма. Отмечу, что сознание связано в широком смысле с языком. Необязательно с вербальным языком. С языком и мимики, и жестов, и одежды, и танца, и чего угодно, в глобальном понимании языка. Но бессознательное – это уже выход за рамки и языка, и декартова пространства или пространства Минковского. Это уже гильбертово пространство, и здесь работают феномены синхронические и понимание буддийской философии как снятие субъектно-объектной парадигмы с помощью медитации и психотехник и выход в пласты индивидуального, потом коллективного и, возможно, даже космического бессознательного, которое присутствует в эволюции нашей земной цивилизации. Но это буквально несколько соображений по поводу перспектив развития этой программы, возможных, так сказать.

Вопрос К.В. Анохину от В.Ф. Петренко: Если я правильно понял, Вы говорите о возможности поиска в нынешнем сознании артефакта из опыта прошлых жизней? То есть, согласно теории реинкарнации, в прошлых жизнях мы получаем какой-то опыт и стараемся в этой жизни его найти. На эту тему есть работы Станислава Грофа, в частности, «Холотропное сознание». Я хотел бы узнать Вашу позицию на этот счет. И в целом работы такого неклассического института как Эсален, где в общем-то проводились первые исследования Станислава Грофа и Майкла Мёрфи, основателя Института Эсален. Каково Ваше отношение к таким попыткам?

К.В. Анохин: Я внимательно читал некоторые книги Грофа. И у меня такое ощущение, что современная наука пока не имеет надежно документированных, верифицированных и воспроизводимых фактов в области этих гипотез, таких, чтобы можно было взять их в лабораторию и начать исследовать причины и механизмы этого явления.

Реплика из зала: Можно два слова? Мы, например, с помощью семантических пространств в методологии Гущина, Джорджа Керри, смотрели сдвиги трансформации семантических пространств после холотропного дыхания, статистически достоверные сдвиги и т.д. Так что подходы есть.

К.В. Анохин: Ну, наверное, вы увидите сдвиги. И о чем они будут говорить? Разве они способны говорить о существовании прошлого опыта из предыдущих жизней, перерождений? Нет, конечно. Что касается холотропного дыхания, то это вполне эмпирическая вещь, заслуживающая исследований.

Т.В. Черниговская: Я хотела бы дать еще один микрокомментарий. У нас нет времени говорить обо всей науке. Во-первых, она делает утверждения от третьего лица, что требует отдельных разговоров. Во-вторых, наука построена на статистике. Это ее правила игры. И эти правила игры, мне кажется, к мозгу не применимы, во всяком случае, есть основания очень аккуратно к этому относиться, потому что мозгу для принятия решения достаточно единичной встречи. Вот о чем разговор. Поэтому здесь дело в том, что должна появиться какая-то другая парадигма. Из того, что для нас *логично*, не следует, что это логично для мозга. Никто не сказал, какие привычные нам причинно-следственные связи есть в мозгу. Никто не сказал, какова внутренняя логика в мозге – не у того, кто за мозгом наблюдает, а у самого мозга. Он как живет? В рамках концепции Ньютона? В рамках концепции Нильса Бора? Или это переход из условного Нильса Бора (понятно, это все в кавычках), переход из квантового мира в классическую физику? Может быть, это вопрос размера? А если размера, тогда какой порог? Короче говоря, встают фундаментальные вопросы. Я согласна с тем, что сказал Константин Владимирович. Мне не кажется, что у той науки, с которой мы сейчас имеем дело и внутри которой работаем, есть вообще ходы такого рода.

С.Ю. Никольский (кандидат юридических наук): Мои впечатления о конференции были очень яркими и значительными. Это касалось общения не только с Его Святейшеством Далай-ламой и буддийскими учеными, но и с российскими учеными и рядом их учеников, приехавших с ними на конференцию. Особенно сильное, неизгладимое впечатление на меня произвел Далай-лама. Это – действительно великая личность, человек Мира, посвятивший всю свою жизнь установлению миролюбивых, подлинно человеческих отношений между разными народами, между людьми разных мировоззрений, разных религий, между верующими и атеистами. Интересно было смотреть с каким благоговением относились к нему буддийские монахи и присутствовавшие на конференции буддисты из разных регионов России. Но Далай-лама был очень простым, скромным, открытым, очень искренним в общении со всеми нами. Удивляли его глубокий интерес к науке, его эрудиция во многих областях знания и его вера, что наука способна сде-

лать людей и человеческий мир лучше. Сочетание тысячелетнего опыта буддизма в изучении сознания и результатов нейронаучных исследований сознания, как показала конференция, может быть, действительно, весьма плодотворным. Доброжелательность, искренность и непосредственность Далай-ламы создали на конференции столь редкую для таких мероприятий атмосферу душевного созвучия, дружелюбия и радостного, свободного общения всех участников, независимо от научных чинов и возраста. Все это помогало решать трудные задачи взаимопонимания, связанные с культурными различиями, слабым знанием английского языка некоторыми участниками конференции, использованием при обсуждении проблемы сознания столь различных систем понятий. Докладчикам отводилось всего 20 минут. Учитывая это, они вынуждены были говорить о самом главном в своих научных исследованиях, достойно представляя вместе с тем российскую науку и освещая также западную традицию изучения сознания. Но Далай-лама и другие задавали им вопросы, ответы на которые существенно дополняли содержание доклада. Особенно же интересными и поучительными были комментарии Далай-ламы к каждому докладу. Обозревая все дни конференции, должен сказать, что для меня все же главное значение имела возможность общения с крупнейшими специалистами по проблеме сознания, возможность задавать им вопросы в непринужденной беседе. Почти каждый день после ужина мы собирались в группы и вели с их участием острые обсуждения актуальных и трудных вопросов. Это было очень интересно и полезно. Опыт участия в конференции показал, что наряду с аналитической философией сознания и достижениями нейронауки надо использовать буддийские подходы и медитативные практики управления сознанием, которые содержат большие неиспользованные ресурсы самосовершенствования человека.

А.П. Супрун (Институт системного анализа РАН):

С тех пор, как наука, и прежде всего физика, ухитрилась поставить несколько экспериментов методологического характера, возникло очень много пересечений с буддийской философией. Недаром и Н. Бор, и В. Паули, и Э. Шредингер – все они обращались к восточной философии и в частности к буддизму [далее в выступлении подробно излагалась ситуация в квантовой механике, обсуждались феномен редукции волновой функции, противоречия в его интерпретации, роль наблюдателя, предположение о том, что кроме человеческого сознания существует надчеловеческое сознание, которое способно служить для разрешения противоречий квантовой механики и таким образом можно приблизиться к

пониманию сознания и подсознательного в буддизме. Все это нуждается в специальном, более основательном обсуждении и поэтому редакция решила не публиковать выступление полностью].

К.В. Анохин: Мне тут подсказывают, что мы должны заканчивать. Наверное, это справедливо. Давайте еще два вопроса.

Вопрос из зала: Добрый день! Спасибо большое за эту возможность. Я бы хотел задать вопрос скорее о научной экспертизе эксперимента. Один мастер созерцательных традиций Алан Уоллес, американец, известный своим проектом созерцательных лабораторий, т.е. места, где ученые и созерцатели, для которых это — дело всей жизни, могли бы вместе встречаться, взаимодействовать и изучать друг друга, предложил для проверки гипотезы о предыдущих жизнях такой проект. Воспоминания о предыдущих жизнях с точки зрения буддийской созерцательной традиции — это такой доступный феномен, который возможен при развитии однонаправленного сосредоточения. Поэтому Алан Уоллес предлагает эксперимент: если мы возьмем, например, 10–20 человек, которые будут заниматься однонаправленным сосредоточением, не буддистов и не приверженцев других религиозных традиций, и если через какое-то время кто-то из них сообщит какие-то данные о гипотетической предыдущей жизни, будут ли такие данные подтверждением? Например, участник эксперимента скажет: я помню себя шотландцем, жившим в 20-х гг., и мы сможем проверить эти данные документально, что такой человек жил?

К.В. Анохин: Безусловно, да. Если, например, он скажет, что помнит себя жившим на другом континенте, скажем, в Бразилии, и что его родители были такие-то и такие-то, и назовет при этом какую-нибудь многозначную цифру из этой прошлой жизни, которая будет потом сверена и окажется правильной, например, номер телефона тех своих родителей. В рассказе должна быть какая-то сложная и проверяемая информация, вероятность случайного совпадения которой будет ничтожной, а не просто: «Я помню себя шотландцем, жившим в прошлом веке». Каким образом это можно проверить?

Реплика к вопросу 1:

Ну, он называет дату рождения человека.

К.В. Анохин: Нужно иметь в этом воспоминании такую специфическую проверяемую информацию, вероятность угадывания которой будет ничтожной.

Реплика к вопросу 2: А насколько реально организовать такой эксперимент в современной России?

Т.В. Черниговская: Здесь дело не в том – в России или не в России. Как придумать этот эксперимент? В смысле, как это сделать по-настоящему, *какой* это должен быть эксперимент?

К.В. Анохин: Вы же понимаете, что это случайное воспоминание. Есть проблема наследования опыта от своих биологических родителей – это другая вещь, она гораздо более проста для проверки. В этом случае утверждается, что ребенок может помнить то, что знали его непосредственные родители. Хорошо, вот ребенок и мы знаем его родителей. Допустим, раньше они жили в Пензе, у них был там дом, но ребенок этого не мог знать, так как родился позже и никогда там не был. И вдруг он говорит, что вспоминает что-то из жизни своих родителей в этом доме в Пензе. Тут способ проверки достаточно простой – можно спросить у родителей, можно поехать в тот дом, если он остался, и проверить так ли все в нем, как описывает ребенок. А вот если это предполагаемое перерождение, не связанное с прямым биологическим родством, то вам трудно узнать, а следовательно и проверить, где и когда это было.

Еще один вопрос или выступление.

Н. Петяев (аспирант Института философии РАН): Большое спасибо вам за это мероприятие! У меня небольшое практическое предложение. Как можно объединить современную российскую науку, буддизм и западную научную мысль? Есть ли возможность передать Западу тот колоссальный объем знаний, которым обладает буддизм, посредством русской культуры научной мысли, используя наш стиль мышления как инструмент трансляции знаний буддизма? Ведь даже сегодня уже звучала мысль, что в частных разговорах ученые-буддисты обращают внимание на то, что им комфортнее работать именно с представителями российского научного сообщества. Почему бы российским исследователям буддизма не воспользоваться такой благорасположенностью своих буддийских коллег?

Единственное, что предстоит осознать представителям российского научного сообщества, рискнувшим пойти на такой шаг, это то, что трансляция знаний буддизма западному научному сообществу приведет к необходимости войти в сетевые отношения как с буддийской, так и с западной традициями мышления. Иначе говоря, по-сути российским ученым-интерпретаторам придется встать в позицию, в которой сейчас находится личный переводчик Далай-ламы геше Тхуптен Джинпа. Быть тем актором в межкультурном взаимодействии двух многотысячелетних традиций мышления, который отказывается от своей личностной субъектности в пользу максимально эффективной реализации общей цели – сближения и синтеза двух главных мировых традиций мышления. Конечно,

этот процесс (отказ от личностной субъектности) будет проходить посредством принятия факта молодости русской мысли (ведь российской научной мысли всего-то 300–400 лет против 2500 лет западной и буддийской мысли). Другими словами, на ближайшие десятилетия в диалоге «между Востоком и Западом» российским ученым предстоит принять роль информационных каналов, на основе которых и будет происходить непосредственный обмен знаниями между двумя традициями мышления, там не будет звучать русских имен как феноменологически значимых. Хотя я прекрасно понимаю, что мое предложение будет очень трудно реализовать, поскольку каждый ученый стремится не только к познанию истины, но и к личной славе (личностному самоутверждению в своей социальной среде), от которой в данном случае необходимо будет «пожизненно» отказаться.

К.В. Анохин: Я бы хотел кое-что уточнить. Конечно, речь не идет о такой прямолинейной логике, что Россия передает что-то с Востока на Запад. Скорее речь шла о том, что, может быть нам легче находить общий язык, способы взаимопонимания, движения вперед. При этом я бы не переоценивал такую посредническую функцию России, нам не следует быть тут слишком самонадеянными.

Попросим Викторию Георгиевну сделать заключение нашей встречи.

В.Г. Лысенко: Константин Владимирович попросил меня подвести итог, но я, честно говоря, думаю, что сам фильм, который мы только что смотрели, был прекрасным эмоциональным заключительным аккордом нашей встречи. Я могу только присоединить к нему пожелание, чтобы эти эмоции не растворились в пустоте, чтобы они и вас тоже к чему-то подтолкнули, подвигли, может быть, послужили триггером, спусковым механизмом интереса к проблемам, о которых мы сегодня говорили и особенно интереса к буддийской точке зрения на эти проблемы. Мы думаем создать сайт, который будет посвящен нашему проекту, и поместить туда все материалы, касающиеся наших встреч, а также ссылки на литературу, которая выходит во всем мире по самым разным современным направлениям взаимодействия буддизма и науки. Создать такой ресурс, чтобы все желающие могли к нему обращаться. Хотелось бы верить, что это даст толчок к каким-то более серьезным процессам, прежде всего, в области образования, потому что именно от расширения горизонтов образования зависит будущее диалога, которому мы положили начало этим «круглым столом».

Д.И. Дубровский: К тому, что сказала Виктория Георгиевна, хотелось бы добавить следующее. В ходе обсуждения на Круглом

столе были в какой-то мере намечены, обозначены те конкретные задачи, которые могут быть предметом нашего сотрудничества с Его Святейшеством Далай-ламой и буддийскими учеными. Ряд таких задач отчетливо поставлен в их трудах, касающихся освоения результатов медитативных практик. Эти результаты позволяют, например, более точно выделять и определять различные феномены сознания, что может служить целям современным исследований сознания с позиций нейронауки. Там требуется более четкое описание и ограничение психических явлений, которые служат объектом установления их нейродинамических коррелятов. Важное значение опыт буддизма имеет в области развития способности более эффективного управления собственным сознанием, преодоления его устойчивых негативных интенций. Этот опыт может быть использован и социогуманитарными дисциплинами, особенно когда ставятся вопросы образования и воспитания. Безусловно, конкретная программа совместных исследований должна быть тщательно продумана и согласована. Мы уверены, что наш диалог с буддийскими коллегами будет в этом направлении продолжен.

«BUDDHISM AND SCIENCE»

Round Table

**Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
October 31, 2017.**

To the Results of the Scientific Conference
«Fundamental Knowledge:
the Dialogue of Russian and Buddhist Scientists»

D.I. DUBROVSKY

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Dubrovsky, David – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of the Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ddi29@mail.ru

Participants of the Round Table: Telo Tulku Rinpoche, K.V. Anokhin, Yu.I. Alexanrov, T.V. Chernigovskaya, Dubrovsky, M.V. Falikman, V.G. Lysenko, A.A. Terentiev, et al.

Citation: DUBROVSKY D.I. (2018) “Buddhism and Science”. Round Table. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, October 31, 2017. In: *Philosophical Sciences*. 2018. Vol. 3, pp. 42-80.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-3-42-80.